

МОЯ ЖИЗНЬ — РОССИЯ

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. И. КУПРИНА

7 СЕНТЯБРЯ исполняется 100 лет со дня рождения А. И. Куприна — выдающегося писателя, чьи лучшие, прославленные произведения вошли в сокровищницу русской литературы.

Куприн был свидетелем глубочайших революционных преобразований в России первой трети нашего века; его творчество тесно связано с демократическим литературным направлением того времени.

А. И. Куприн прожил сложную и трудную жизнь. Он много ездил по стране, перепробовал множество профессий — был репортером, землемером, грузчиком, актером, домашним учителем. В этих нелегких скитаниях писатель накопил огромный запас тех жизненных наблюдений, которые позволили ему с беспощадной и убедительной правдой изображать в своих произведениях жизнь различных социальных слоев общества. Яркий, самобытный, реалистический талант, любовь к простому человеку, беспощадное обнажение социальных язв дореволюционной действительности определили общественный резонанс его творчества.

Но, несмотря на глубокое сочувствие к страданиям и

борьбе народа, писатель не понял Октябрьской революции, и, только пройдя сквозь все тяготы и унижения эмиграции, в конце своей жизни он возвращается на Родину. Перед возвращением в Советский Союз А. И. Куприн признавался: «Осуществляется мечта моя... Я готов был пойти в Москву пешком, лишь бы туда вернуться».

Рукописное наследие писателя, в частности, его письма к видному ученому, критику Ф. Д. Батюшкову и сестре З. И. Нат пронизаны светлой любовью к родной стране, ее культуре, к трудовому человеку. Об этом свидетельствуют, например, разработанные Куприным план и программа задуманной им в 1918 году газеты «Земля».

Фрагменты из писем А. И. Куприна, плана и программы газеты «Земля» публикуются по подлинникам, хранящимся в Институте русской литературы (Пушкинский дом АН СССР) и Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина.

П. ШИРМАКОВ,
кандидат филологических наук.

Из писем к Ф. Д. Батюшкову.

4 ноября 1910 г. Рига.

Теперь, дорогой Федор Дмитриевич, слава богу, все обратилось. Раны, нанесенные себе самим собою, я кое-как зализал. Но скорблю неустанно о потере томика пушкинских писем с моими отметками, загибами и нумерацией. Судьба! Я этот томик украл из твоей деревенской библиотеки, переплел, возил два года с собою и — когда он стал для меня ценен и нужен — посеял его самым позорным образом.

Все равно: в письмах я ориентировался отлично. Пушкин в молодости, Пушкин жених, Пушкин перед смертью... Пушкин в долгах, Пушкин издатель, Пушкин сотрудник... Пушкин влюбленный, Пушкин друг, Пушкин в тисках... Пушкин и Николай, Пушкин и Бенкендорф, Пушкин и великосветское общество. Тайна его смерти.

Посоветуй мне: где бы достать письма к Пушкину. Есть ли такие? Встречался ли он когда с Лермонтовым. Нет ли где-нибудь писем Гоголя и особенно Лермонтова о Пушкине? Нет ли вариантов

лермонтовского «На смерть Пушкина»? Какие журналы почитать, где были бы веские воспоминания о Пушкине?

Сейчас я на пути затяжной, зайной работы, как, помнишь, в Даниловском... 21 ноября 1910 г. Одесса.

...О том, как я живу, — ничего не буду писать: иначе заскучу. А вот что Старик (Лев Николаевич Толстой. — П. Ш.), умер — это тяжело. Так я с ним першом и не поездил. Но зато в тот самый момент, когда он протягивал ноги на станции, я как раз перечитывал «Казаки» и плакал от умиления и благодарности.

Теперь я пишу «Браслет», но плохо дается. Главная причина — мое невежество в музыке. Есть Ор. № 2, № 2 Largo appassionato у Бетховена; отсюда и вся соль моей повести, а у меня слух деревянный; пришлось запрыгать несколько людей, пока не зазубрил. Да и светский тон!..

Из «Плана и программы газеты «Земля».

В первую голову забота о лесах. Охранять это истинное народное сокровище, эти естественные резервуары здо-

ровья, эти источники хлебопашества и судоходства надо, не щадя сил и средств...

Берегите лес! Это мы в нашей газете будем так же часто повторять, как в общезнатьи говорят «здравствуйте, прощайте и благодарю». Уважение к дереву должно быть любовно внедрено в душу деревенского и городского ребенка еще в школе. Нам ничего не известно о результатах т. н. школьных праздников древонасаждения, но в основе их заложена глубокая мысль. Хищническая порубка леса должна преследоваться, как одно из наипачайших преступлений. Лесоустройство и надзор за лесом должны быть усилены. Для этого необходимо значительно увеличить корпус образованных лесничих и их помощников и образовать курсы сведущих лесников и обезчинок.

...Облесение оврагов, укрепление оползней, засаживание лесом песчаных, особенно прибрежных пространств, обводнение засушливых местностей, поддержание таяния снегов, затенение водных истоков, осушение болот и т. д. — вот ближайшая задача землеустрой-

ва, для которого нет ни невозможного, ни дорогого...

Нам представляется весьма необходимым учреждение «Института Изыскателей», состоящего из наиболее известных ученых и — авторитетных специалистов и выдающихся практиков, под высшим руководством которых будут тщательно и планомерно исследованы все природные богатства России.

Внимание к народным самоучкам, изобретателям, усовершенствованиям. Правда, над ними много смеялись: русский народ всегда непроч позубоскал над новым и необычным. Правда и то, что они нередко вновь открывали Америку и порох, или трудились над перпетуум-мобиле. Но зато мы приведем множество примеров, когда прекрасные мысли русских ученых и самоучек уплывали за границу или были оценены после смерти их начинателей и после использования их позднейшими иностранными талантами...

1.

Из писем к З. И. Нат.

(1929 — 1931 гг. Париж).

...Но представь себе: чем дальше я отхожу, во времени от родины, тем болезненнее о ней скучаю и тем глубже люблю...

Очень часто, дорогая моя, шлют мне письма (после благоприятных рецензий о моих картинах*) полузабытые люди из лимитрофов и других славянских буфферов. И всегда один мотив: Вы живете в столице мира! В современном Вавилоне, в центре вкуса, ума, изящества и красоты, во вторых Афинах и т. д. Счастливцы вы! — Ерунда! Меня никогда не интересовали ни музеи, ни выставки. Меня всегда влекли люди, нравы, обычаи, ремесла, песни, сказки, словечки. В Париже буржуазный слой непроницаем. Если и прорвешься в него на минутку, то единственный разговор: «А когда вы заплатите нам по займам?» А разве я знаю? Да и вообще, судя по мнениям русских, бывавших в Париже до войны — теперешний Париж в сравнении с довоенным — это как небо и земля. Париж как бы обескровлен в моральном смысле. Правда, для англичан,

* В письмах к сестре А. И. Куприн часто называл свои литературные работы терминами изобразительного искусства.

американцев и вообще для людей с высокой валютой есть, по закону спроса и предложения: безумно дорогие, шикарные рестораны, кабарэ, где выбрасывают на сцену одновременно 300 абсолютно голых баб, сложенных, между нами, отвратительно...

Но напрасно у нас давным-давно создалась легенда о развратных женщинах Парижа. Буржуазная женщина тихая, семьянинка, прекрасная мать, добрая жена, настоящая наседка и чудесная повариха. Наша дурацкая легенда пошла от прежних *Boyar des russes* (русских бояр. — Ред.) и от пресыщенных миллионеров. Повторяю: огромный город отвечает этим гребованиям, но семья здесь крепка и рабочий народ здесь прелесть. У меня было немало дружеских отношений с камешниками, плотниками, почталыонами, садовниками. Ах! Милые люди! Совсем как у нас. Ты же помнишь, Зиночка, как у нас дома я дружил с этими славными людьми? Да и вообще, только теперь, приближаясь к шестидесяти годам, я начинаю думать, что я вообще не принадлежал, как думал, к партии добрых анархистов, а был просто демократом без сосьял.

Жить становится все труднее из-за непомерного вздорожания на предметы первой необходимости, особенно на еду и квартиры. Особенно на квартиры. Домовладельцы имеют право каждый год повышать плату на 75%. Вот и приходится писать, как оглашённому, выматывая из себя пейзажи, натюрморты, портреты и делая иллюстрации для похальных газет и журналов, как выматывает шелковичный червь паутину, из себя, пока не слохнет. Убивают физические силы, убывает энергия, воображение, память, вдохновение... Невеселая вещь, сохранив ясное сознание, ежедневно следить за собственным разрушением...

2.

...Я бы отдал сейчас все остающиеся мне жить часы, дни, годы и всю мою посмертную память, черт бы ее побрал, за наслаждение хоть несколько минут послушать прежний непринужденный разговор великой язычницы Мары — жены лесника Егора на Троицком кордоне. Да ведь и Вы, дорогая моя, с удовольствием слушали ее неожиданные меткие обороты и словечки...

Я помню, однажды она закричала на

неповоротливого Егора: Ах, ты трутень безмозговый! Вы удумайтесь в это словечко, мгновенно придуманное и мгновенно приточенное. Ведь это сжатый до предела Метерлинк со своею «Жизнью пчел».

Я употребил марьино это словечко в подписи к одной иллюстрации. Храбрый издатель, сук-кин сын, взял и переименовал, не спросив меня: «старый ты трутень». Я дал давно себе слово никогда больше не драться. Но думаю завтра пойти побить ему морду не за своеволие, а за полное безвкусице в русском языке... Париж вовсе не интересен после войны, а эмигрантский и сказать нельзя как гадок.

3.

...А вот среди русских действительно есть недорезанные буржуи, бывшие банкиры, фабриканты, горнозаводчики и особенно бывшие нефтяники. Эти еще в 1914-м году перевели свои награбленные у народа миллионы в французские, английские, американские и шведские банки и теперь по-прежнему живут вволю и тучные и жирные. Да, для них есть рестораны, где рябчики, и фазаны, и стерлядь, и дикие козы. Где скромный завтрак стоит минимумом по пятьсот франков с персоны. У нас же страдает Лиза (жена Куприна. — П. Ш.) с расчетом, чтобы на всех троих хватило 15 франков. И все это в кредит. А порою у нас за неплатеж стоимости газа и электричества закрывают и то, и другое.

...Я старый, худой, седой и плешивый. Ничто не увлекает, не веселит, не интересует. Собаку и ту запрещают держать. Мы живем в подвальной этажке, у нас снаружи палисадник в квадратную сажень и в нем плющ. Пробовал посеять в нем цветы, но земля какая-то неродимая, мертвая, ничего не подлащивает. Работаю, как верблюд без увлечения, без радости. По ночам мысли о смерти, и ничего, не страшно, только бы без страданий...

3 стр. ИЗВЕСТИЯ

№ 212 [16522]

1948
сентябрь
"Известия"